

ОБ ИСТОКАХ И СОВРЕМЕННОЙ ФОРМЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ПРАЗДНИКА ПЭКЧУН

Как известно, календарные обычаи и обряды занимают особое место в культурном наследии народов мира. Будучи концентрированным выражением и неотъемлемой частью духовной и материальной культуры любого народа, они несут на себе печать этнической специфики, отражая особенности его социально-политической, историко-культурной жизни. Календарные обряды и праздники очень часто соотносятся с точно означенными периодами годового производительного цикла и свидетельствуют о переходе от изобилия к скудности и от скудности к изобилию. Таким образом, те или иные календарные праздники соответствуют определенным трудовым этапам, характерным для того или иного типа хозяйствования.

Традиционное занятие корейцев — пашенное земледелие. Ведущей сельскохозяйственной культурой издавна был рис. Обширных равнин в Корее очень немного, но их плодородные земли являются основными районами для выращивания риса. Помимо прибрежных равнин аллювиального происхождения на западном и южном побережьях, сельское хозяйство сконцентрировано в местах слияния крупных рек во внутренней части страны. Под рис занято примерно две трети обработанных полей Кореи.

Возделывание риса — весьма трудоемкий процесс. Рис — влаголюбивая культура. Поле во время вегетационного периода залито водой. Слой воды на рисовом поле должен быть везде одинаков, для этого поле тщательно выравнивают, разделив на отдельные небольшие участки, огораживают их земляными валиками.

В древности обработка рисовых полей начиналась в мае, пахали на волах деревянным плугом с широким, лопатообразным железным лемехом. В целом весь сельскохозяйственный цикл условно можно разделить на три больших этапа: посадка семян, прополка сорняков и сбор урожая. Сеять рис начинали в мае-июне либо в разброс, либо рассадой. Не только посадка рисовой рассады, но и другие этапы обработки земли (такие как рыхление почвы, окучивание, прополка, борьба с сорняками в течение всего вегетационного периода), которые из-за обильных летних дождей производились не менее двух раз в сезон, требовали от корейских крестьян напряженной работы.

Сложные климатические условия, кропотливый ручной труд, широко применяемый при залильном рисосеянии, способствовали формированию среди корейских крестьян особых коллективных форм труда. В связи с этим в жизни корейской деревни важную роль играли общинные отношения и коллективные формы труда. Для совместного труда в Корее создавались группы из 5-7 семей, называвшиеся *두레* *туре*. *Туре* представляет собой специфическую форму кооперирования. Взрослые мужчины деревни объе-

динялись и совместно выходили на сельскохозяйственные работы. Совместными были весенние работы — высадка рассады, летние — прополка и осенние — сбор урожая.

В специально отведенные для этого дни члены *туре* вместе проводили сельские обряды, игры и развлечения, которые назывались *туре нори*¹. В эти дни готовили праздничные блюда и ритуальные спиртные напитки и весело проводили время: пели и танцевали.

Один из главных праздников подобного рода — *пэкчун* — приходился на середину седьмого месяца по лунному календарю, когда заканчивался самый трудный отрезок сельскохозяйственных работ — прополка рисовых полей, после которого можно было немного отдохнуть.

Стоит заметить, что праздники полнолуния седьмого лунного месяца известны и в соседних с Кореей Китае (中元 *чжунъюань*) и Японии (盆 *бон* или 御盆 *о-бон*).

Как в Китае, так и в Японии этот праздник имеет преимущественно буддийскую окраску и связан с именем буддийского святого Маудгальяна (*кит.* Мулянь (目連), *яп.* Мокурэн), о подвиге которого рассказывается в «Сутре об улламбане». Согласно содержанию сутры один из первых учеников Будды Шакьямуни по имени Маудгальяна, обретя шесть способностей², оглядел различные миры и увидел, что его покойная мать возродилась в мире голодных духов за то, что, съев мяса, отказалась покаяться в содеянном. Будучи самоотверженным сыном, Маудгальяна решил накормить свою мать и преподнес ей различные угощения, но пища, которую она подносила ко рту, превращалась в горящие угли. Маудгальяна встретился с Буддой и, выслушав его советы, решил преподнести в пятнадцатый день седьмого лунного месяца монашеской общине щедрые дары, и после совместных молитв всех монашествующих его мать была избавлена от страданий в мире голодных духов. И в память об этом в пятнадцатый день седьмого лунного месяца стали совершать подношения Будде с молитвами о помощи родителям в загробном мире.

Тем не менее всегда отмечается, что помимо собственно буддийского характера праздника, при его проведении идея поклонения умершим и здравствующим родителям очень важна, поэтому мотив единения семьи и местной общины занимал в обрядовой стороне праздника достаточно заметное место.

В Китае, например, разного рода представления в этот день носили общинно-коммунальный характер и устраивались на средства, собранные вскладчину с членов деревни. Этот праздник был временем игр и увеселений. В целом в народе он прочно сохранял свою изначальную связь с благодарением предков за урожай. О связи празднеств середины седьмого лунного месяца с видами на урожай и сельскохозяйственными работами свидетельствуют некоторые обрядовые элементы в различных регионах Китая: в низовьях Янцзы крестьяне к этой дате приносили в жертву Полевому богу

просо, рис, фрукты и овощи, в уезде Чаншоу крестьяне в ночь на 15 день ставили у полей еду и чашки с вином и т.д. [Календарные обычаи... 1989: 82].

Надо сказать, что корейское название праздника имело буддийскую окраску. Известно, что в периоды Объединенного Силла (618–918) и Корё (918–1392) этот день назывался *Пэкчон* (백종 (百種) — «День ста семян»). Наиболее популярная в народе версия его происхождения была связана с тем же сюжетом о буддийском святом Маудгальяне (*кор.* Монён (목련), о котором рассказывалось выше. Исторические хроники говорят, что в средневековой Корее, во многих монастырях монахи с молитвами приносили различные плоды и злаки, образующие так называемые «сто вкусов», дабы облегчить тем самым страдания голодных грешников, мучающихся в аду. Поэтому этот день жертвоприношений назывался также «Днем голодных духов» (망혼 (亡魂)날 *манхоннал*)³. Тем не менее к концу эпохи Чосон (1392–1897), оставаясь важным событием в рамках буддийской жизни, этот праздник в широких слоях крестьянского населения страны воспринимался в несколько ином ключе. Об этом мы узнаем из трактатов второй половины XVII — начала XIX вв., составлявших ученых-конфуцианцами и посвященных описанию обычаев и обрядов тех местностей, где ученые служили и путешествовали. В таких трактатах имеются упоминания о том, что в народе празднования в этот день в первую очередь были связаны с окончанием работ на рисовых полях, т.е. имели по своей сути аграрно-общинный характер. Именно поэтому очень часто в народе этот праздник назывался *мосым наль* (머슴 날) «день труженика» или *мосым-е сэиль* (머슴의 생일) «день рождение труженика».

Одним из ценных источников в этом плане является трактат Ю Дык Кона (1748–1807) «京都雜誌 (경도잡지)» («Записки о столице и провинции»), созданный во второй половине XVII в. Он пишет, что «в старину, в период Корё, в этот день проводили церемонии подношения Будде по «Сутре об улламбане», но сейчас основным занятием в этот праздник стало вкусно и много поесть и крепко выпить». В трактатах других авторов говорится, что к середине XIX в. в сельских местностях сформировалась традиция проводить в районе этого дня особенные «рыночные дни», которые получили название *Пэкчончун чан* (百種中場) (в сокращенной форме *Пэкчун* 百中) — «Рынок в день Ста злаков». Основной отличительной чертой этих рыночных дней от многих других было обилие различных развлекательных мероприятий, таких как состязания по борьбе на поясах *ссырым*, своеобразные выступления танцоров и музыкантов, качание на качелях, а также проведение разных увеселительных мероприятий. С течением времени название *пэкчун* закрепилось как название пятнадцатого дня седьмого лунного меся-

ца, а сами мероприятия стали называться *пэкчун нори* (백중 (百中) 놀이) «празднование в день *пэкчун*»

Существует предположение, что буддийские празднества этого дня во всех трех странах могли быть позднейшим оформлением значительно более древней традиции, связанной с благодарением семьей и общиной умерших предков и других духов хранителей и защитников плодородия, берегущих в земле семена жизни.

Сегодня, в современной Республике Корея, в деревнях к пятнадцатому дню 7 лунного месяца уже не относятся как к обязательному празднику деревенской общины. Тем не менее иногда в конце лета или начале осени (а именно на это время и попадает 15 день 7 лунного месяца) в провинциях проводят различные фестивали, приуроченные к этому когда-то праздничному дню.

Наиболее популярным местом проведения такого фестиваля в современной Южной Корее является небольшой городок Мирян, находящийся на юго-востоке Корейского полуострова.

Фестиваль проводится под патронажем «Общества по сохранению обычаев и искусства города Мирян». При этом обществе существует народный фольклорный ансамбль. В старину в каждой деревне существовали своеобразные сельские оркестры, которые всегда сопровождали все сельскохозяйственные процессы. Именно такие оркестры и являлись основной движущей силой любого сельского праздника. В городе Мирян такой народный фольклорный ансамбль и сохранил форму проведения народного праздника *Пэкчун нори*.

В исполнении фольклорного ансамбля этот праздник выглядит как театральная постановка, состоящая из нескольких частей.

Первая часть посвящена благодарственным поклонениям духам. Для этого до начала праздника на середине поляны, где разворачивается основное действие, устанавливают столб высотой около двух метров. Он представляет собой 12 связанных снопов конопли, в каждом из которых по 30 стеблей, которые символизируют соответственно 12 месяцев и 30 дней, а все вместе — 360 дней года. На верхушку столба водружают кисточку из пяти злаков (просо, гаолян, воробьиное просо, красные бобы, горох). Столб привязывается к земле четырьмя разноцветными лентами, символизирующими стороны света: черная — север, белая — запад, красная — юг, синяя — восток. Столб обматывается толстой соломенной веревкой и желтой лентой, символизирующей центр. На него вешаются маленькие мешочки с вышитыми на них благопожелательным иероглифом 福(복) [бок] «счастье», в которые (как правило, женщины) кладут до начала представления написанные на небольших листочках бумаги пожелания или немного риса.

После того как столб установлен, начинается выход крестьян. Во главе идет человек с высоким шестом, на котором подвешено полотнище с надписью *Мирян пэкчун*. За ним чинно и важно вышагивает человек с длинным

горном, атрибутом лучшего работника. Дело в том, что за несколько дней до праздника из числа тружеников общины выбирается старейшина, т.е. главный распорядитель праздника, а также лучший работник этого сельскохозяйственного цикла, которого называют *무상 (務上) мусан*. Ему до начала праздника вручают горн, и теперь в течение всего дня он будет королем праздника. За ним следуют все остальные участники праздника с разными ударными музыкальными инструментами, гонгами и барабанами. Затем все встают вокруг столба и *мусан*, опустившись на колени, читает нараспев благодарственные слова в адрес духов-покровителей деревни. В качестве угощения жители деревни предлагают духам специально приготовленный по этому случаю парной хлебец из отрубей гречихи, фрукты, рыбу, голову свиньи, ну и конечно рисовую бражку макколли, так любимую корейскими крестьянами.

Недалеко от места событий стоит огромное пластмассовое ведро, до краев наполненное рисовой бражкой. В нем плавает небольшой бумажный стаканчик. Любой из участников и гостей фестиваля может подойти и отвесить немного бражки, которая вместе с яркими и теплыми лучами корейского солнца создает в высшей степени благодушное настроение.

После завершения поклонения начинается самая веселая часть праздника: танцы и песни. Сначала *мусану* вручают «корону», которая на самом деле представляет собой соломенную шляпу, от дождя вывернутую в обратную сторону, и усажают его на носилки для переноски грузов, которые символизируют коня. Говорят, что в старину лучшего работника возили по всей деревне и, подъезжая к воротам домов, выкрикивали: «Купите хорошего работника! Дешево отдаем!». Таким образом собирались деньги или угощения для продолжения праздника. Очень часто, объехав всю деревню, крестьяне во главе с «королем» направлялись к дому хозяина земли и устраивали небольшой концерт у дверей его дома. За это он должен был выставить им угощение. Таким образом поддерживался диалог между землевладельцем и крестьянами, что способствовало разрешению и уменьшению различных эмоциональных и психологических проблем между разными социальными группами.

Заключительная часть состоит из нескольких танцевальных номеров: танец помещиков-*янбанов*, танец тяжело больных, танец простого люда и танец пяти барабанов. Все эти танцы имеют разную смысловую нагрузку и являются характерной региональной особенностью проведения праздника *пэччун* в городе Мирян.

Танец помещиков-*янбанов* являет собой своего рода образец сатиры крестьян на помещиков. Исполняя этот танец, крестьяне высмеивали пороки *янбанов*. Этот танец исполняли только мужчины.

Участники танца тяжело больных показывали те состояния, в которые могут впасть люди, заразившись той или иной инфекционной болезнью. По всей видимости, этот танец восходит к древним культам, связанным с представлениями о демонах, носителях эпидемических заболеваний, так широко

распространенных в жаркий сезон года в этой климатической зоне. Так вот, чтобы защититься от злых болезней, люди совершают своеобразные «прививки», демонстрируя: «я уже болен, и духу болезни здесь уже делать нечего». В этом танце принимают участие как мужчины, так и женщины. Приветствуется также участие зрителей.

Надо сказать, что каждый танец динамичнее и задорнее предыдущего. Эмоциональные выплески нарастают с каждым следующим танцем, вовлекая в празднество все больше и больше участников даже из числа зрителей.

Танец простого люда исполняется тремя мужчинами. Этот танец иллюстрирует основные этапы сельскохозяйственного цикла. Движения танцоров как бы показывают, как ведется тяжелая работа на полях.

Танец пяти барабанов завершает танцевальную часть праздника. Этот наиболее экспрессивный и динамичный танец, участники которого постепенно выходят за рамки отведенной территории исполнения и вовлекают в празднество зрителей. Пять — гармонизирующее число, оно обозначает четыре стороны света и центр, пять первоэлементов и т.д. Этот танец постепенно переводит всех празднующих в следующий заключительный эпизод праздника, называемый «Всеобщей гармонией». В этот момент все, кто участвовал в празднике, как актеры, так и зрители, мужчины и женщины, стар и млад могут выйти на площадку и полностью выразить себя: сплясать, спеть, просто повеселиться.

В заключение хотелось бы отметить, что в данном регионе на фестивале исполняются традиционные формы песен и танцев, которые бытовали еще в конце эпохи Чосон (1392-1897). Таким образом, участники ансамбля смогли сохранить не только внешнюю форму проведения праздника, но и важный элемент нематериальной духовной культуры. Я имею в виду дух корпоративности, дух единения, которым так славится корейский народ. Именно этот элемент является основным импульсом при работе групп *туре*, именно этот момент единения помогает пережить невзгоды, и именно он способствует динамичному и прогрессивному развитию Республики Корея в современном мире.

Примечания

¹ Корейское существительное 놀이 [нори] происходит от глагола 놀다 [нольда] с весьма широким спектром значений «играть, развлекаться, быть не занятым». Таким образом, существительное нори в широком смысле обозначает «беззаботное проведение досуга», в узком — «игра, развлечение».

² Шесть способностей — умение летать, ясновидение, яснослышание, чтение мыслей, память о своих прежних перерождениях и «исчерпание кармы», т.е. возможность более не родиться в земном мире. Эти способности есть у Будды, их могут обрести бодхисаттвы.

³ Во многом эта традиция — преподносить дары и в виде различных плодов и злаков перед статуей Будды и проводить совместные молитвы в 15-й день седьмого лунного месяца — сохранилась в буддийских монастырях до наших дней.

Библиография

Ионова. Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее XIX-XX вв. М., 1982.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989.

Ким Ми Сук. Мирян пэкчун нори. Тэчжон, 2004 (на корейском языке)

Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

С.Л. Санкина

ДВА ЧЕРЕПА XVI-XVII ВВ. ИЗ ИЗБОРСКА (МОГИЛЬНИК СКУДЕЛЬНЯ)

Самым крупным позднесредневековым кладбищем Изборска был могильник, расположенный в урочище Скудельня. Захоронения здесь производились с XI в. Здесь же, по преданию, было совершено братское захоронение воинов, участников отражения нападения ливонцев под предводительством магистра Бернгарда фон дер Борха в 1480 г. Располагался могильник Скудельня в 0,2-0,4 км к западу от посада, в настоящее время он в значительной степени разрушен и занят строениями и усадьбами. Сохранилось около десятка могил, обозначенных оградками из валунов. На юго-восточной окраине этого могильника расположена часовня Флора и Лавра, рядом с которой имеется несколько больших каменных плит, служивших основанием для постановки надмогильных крестов, один из которых, как гласит надпись на нем, установлен в конце XV в.

В 1953 г. Г.П. Гроздилов исследовал здесь одну из жальничных могил. «Нами раскопана одна жальничная могила XI-XII вв., находившаяся в урочище Скудельня, в 200-250 м к западу от крепости. Курган-жальник представлял собой невысокую насыпь, выложенную по основанию крупными валунами, образующими замкнутое кольцо, причем камни ограждения, несмотря на большие размеры, выступали на поверхность лишь своими верхними площадками. Могила оказалась использованной для позднейших захоронений. В ней открыты шесть погребений в гробовищах. На трех скелетах были найдены бронзовые нательные крестики XVI-XVII вв. Древние же погребения, связанные с первичным сооружением жальника, не сохранились» [Гроздилов 1965: 74].

В 2006 г. кафедра этнографии СПбГУ передала в отдел антропологии МАЭ необработанный полевой материал из раскопок на территории Псковской области, в том числе и два костяка из раскопок Г.П. Гроздилова на могильнике Скудельня в 1953 г. Антропологический материал из погребений 3 и 9 был возвращен в крафтовые пакеты и надписан полевым шифром. После соответствующей обработки костяки были зарегистрированы в описи 7283.

Костные останки принадлежали мужчинам зрелого возраста, находившимся на момент смерти в хорошей физической форме. Отмечены заболевания зубно-